

Ф. А. СТЕПУН

Большевизм, марксизм и христианство

Сопоставление этих трех понятий — нечто большее, чем постановка теоретической проблемы: для меня в первую очередь оно обозначает попытку указать на существенное содержание величайшего исторического события нашего времени — на душу большевистской революции. Снова и снова нужно спрашивать себя: как же могло случиться, что христианский народ Европы (Достоевский) оказался повинен в измене христианству, что в течение немногих лет положительная религиозность русского крестьянина превратилась в большевистскую религию уничтожения (Бакунин). Но в так возникшее отношение христианства и большевизма нужно ввести марксизм — именно потому, что марксистская идеология прежде всего обусловила перевод русской духовности на путь большевистской «дьявольщины». Разумеется, проблему дьявольского содержания марксизма можно миновать, объявив марксизм религиозно индифферентным мировоззрением, и само это содержание отнести на счет религиозности русского народа. За то короткое время, которым я располагаю, опровергнуть любую из этих позиций невозможно. Достаточно просто заявить, что не нужно придерживаться марксизма. Огромное значение русской революции для Европы состоит как раз в приведенных ею доказательствах, что марксизму присуща религиозная постановка вопроса и что собственными силами он не может найти на него религиозного ответа; что марксизм означает переживание и программу, в которых религиозная форма и отрицание религиозного содержания нераздельно слиты друг с другом. Конечно, духовное настроение и историческое положение этого единства являются глубочайшей проблемой не только русского большевизма, но и европейского коммунизма. Кьеркегор был прав, когда уже в 1848 году защищал положение о политической природе протестантизма и религиозном содержании коммунизма.

Если кому-то захочется выявить религиозную тему марксизма, то, разумеется, нужно думать не о марксистской идеологии, а о новой идее, — я имею в виду духовно-душевное переживание мира в социализме. Тот факт, что марксистская идеология очень сильно пронизана просветительно-рационалистическими мотивами, не вредит положению об иррационально-религиозном содержании социалистической идеи. Идеологические транскрипции конкретных форм жизни весьма часто являются их злейшим предательством.

Легче всего мы поймем идею социализма (его духовно-душевную действительность), когда мы отграничим ее от переживаний мира буржуазией. Основным переживанием типичного буржуа — или точнее: переживанием буржуа как идеального типа (Макс Вебер) — является *одиночество*. В буржуазной структуре переживания всякое Ты обладает много меньшей степенью реальности, нежели собственное Я. Истинное чувство общности отсутствует в буржуазном мире, потому что переживание общности интересов не есть переживание истинной общности. Социологически мистическая общность Церкви давно уже не является эталоном — и это не составляет никакой тайны. Общность науки также является только риторическим оборотом: специалисты все более и более уединяются в своих специальностях, техника все больше и больше разделяет людей на тех, кто доводит до совершенства искусство жить в нужде и заботах, и тех, кто этим совершенством пользуется. Художники живут, еле-еле сводя концы с концами, а их произведения внезапно перемещаются из раскаленной атмосферы мастерской в мертвую тишину музеев. Сама нация как переживание общности становится все сомнительней; и у националистов, и у интернационалистов она все больше становится партийным делом.

Это и есть ситуация (уже не раз описанная), в которой вырастает праведная тоска социалистической идеи. Ее задачей является восстановление утерянной общности, воссоединение труда и заслуг, личностного отношения к работе и действительных взаимоотношений работодателя и наемного рабочего. Идеи нации и собственности, этим двум основным идеям буржуазии, благодаря социализму было бы возвращено их извечное содержание. Идею нации нужно будет очистить от националистических шлаков (национального эгоизма), а собственности — снова вернуть сакральный характер, присущий ей по личностно-творческой функции труда.

Я знаю, что сегодня можно легко оспорить такое понимание социалистической идеи. Марксистское ложное толкование социалистического переживания реальности сделало нас невосприимчи-

выми к переживанию связи христианства и социализма, которую я пытался доказать общей характеристикой социалистической тоски. Факт, что социалистическая и романтическая критика буржуазного мира снова и снова начинается с очень похожих основных пунктов, факт далеко идущего согласия социалистической и религиозной критики идеалистического мировоззрения (я имею в виду очевидное для социализма — даже в марксистской чеканке — и для всякого религиозного мировоззрения утверждение зависимости сознания от бытия, а не наоборот), даже факт существования христианского и религиозного социализма как политического учения, — сегодня все это не перевешивает убеждения в существенном совпадении социалистического и марксистского сознания. Это, конечно, не является случайным. Почет, которым пользуется марксистское толкование социалистического переживания как в социалистических, так и в антисоциалистических кругах, связан, прежде всего, с тем, что марксистский социализм начал великую борьбу, но утверждение «душа социализма по природе христианка» никогда не могло вмешаться в жизнь в качестве формирующей силы.

Это концентрирование социалистической идеи на социально-политической борьбе современности удалось марксизму благодаря своеобразно-противоречивой двойной уловке: благодаря измене социалистическому предчувствию будущего в буржуазном мироощущении, соединенной с фанатично-религиозным превознесением роли пролетариата. Не подлежит никакому сомнению (и об этом часто говорится в русской литературе по философии истории), что ветхозаветная мысль об избранном народе принимает в марксизме вид идеи избранного класса, идея Царства Божьего превращается в видение бесклассового общества, а представление о Страшном Суде — в эсхатологически окрашенную теорию катастроф. Но в центре этой композиции стоит Спаситель — коллективный сверхчеловек, пролетарий. Это есть та духовно-душевная ситуация, в которой пролетарий растит чувство избранности среди призванных, готовится страдать спасающим страданием в этом злом мире ради лучшего будущего.

Но каково все же будущее? Как выглядит пролетарский человек *будущего*? Это — тот пункт, в котором марксизм оказывается в корне несостоятельным. Объявив буржуазию врагом, марксизм идеологически едва ли превосходит ее в духовном отношении. Буржуазное чувство жизни воспитало поклонение Мамоне нашего времени, теоретическая транскрипция чего под именем экономизма стала краеугольным камнем идеологии марксизма. Буржуазия возвысила науку до религии и низвела веру до сред-

ства народного воспитания; эту точку зрения целиком усвоил себе марксизм: для него религия — «опиум для народа», а истинная религия народа — наука. Буржуазия призвала к ожесточенной борьбе против четвертого сословия, и этот ее грех стал главной идеей марксистской философии истории.

Эти марксистские трансформации буржуазных принципов мысли и жизни шли значительно далее. Но моя мысль, пожалуй, пока и так ясна: марксизм стал доктриной борьбы прежде всего потому, что он пропитал тематику борьбы пророчески-религиозными чувствами, но при этом воздержался от требования, что прежде пролетарские бойцы должны возвыситься до нового понимания человека, человека новой истины. Марксизм обязывает к политической борьбе, не обременяя последнюю чувством моральной ответственности. Отсюда растет его деструктивная сила, равно как и неспособность к положительному строительству, или, выражаясь осторожнее, в этой ситуации для него возникает возможность созидательной работы, но посредством идеологического самоотречения (обуржуазивание социалистической партии Германии).

Казалось, в России имелись все предпосылки для того, чтобы ранее эскизно обрисованная христианская душа социализма сложилась в ведущую историческую силу. Русское культурное сознание вплоть до революции было в большей степени религиозно-все-единым, чем европейское. Отдельные области культуры в России были намного меньше затронуты духом высокомерной автономии, чем где-нибудь в Западной Европе. Отсутствие буржуазии и пролетариата (в европейском смысле слова) само собой указывало на необходимость формировать социализм не как односторонне пролетарскую идеологию. Среди русских социалистов-антимарксистов была очень популярна мысль славянофилов, что Россия может прийти к социализму, минуя капиталистические формы хозяйствования. Русская деревенская община (мир) чествовалась как коллективистский зародыш этого русского социализма. Если этот вид социализма не победил в России, то потому лишь, что такая победа была возможна только в форме более или менее мирной эволюции. Но со стороны монархии эта эволюция с самого начала была объявлена невозможной. Так в России на место положительно строяемого социалистического переживания встал радикально-воинствующий марксизм. Конечно, победа большевизма означает не только победу примитивных инстинктов (немедленно сложить оружие, присвоить себе крупные наделы и т. д.), но и что-то другое: восхищение определенной идеей, ожидание мирового спасения. Большевизм вовсе не является отрицанием идеи как таковой; более того, он есть страстное утверждение идеи отрицания, при-

знанное религией отрицание и уничтожение. Нетрудно понять, почему деструктивная сила марксизма выросла в религию именно на русской духовной, культурной и географической территории. Отсутствие в России буржуазии и буржуазного мировоззрения (либерализма, идеализма) облегчало марксистским пророкам критику буржуазного мира. Традиционная склонность русских к вере позволила без околичностей преобразовать старательно рекламируемую науку в новую, единственно душеспасительную веру. Марксистские софисты без особого труда превратили электрификацию в святость. Большевистское декретирование началось в стиле библейского сотворения мира — с той, правда, разницей, что каждая заповедь превращалась в запрет и любое «Да будет» заканчивалось каким-нибудь «Да не будет». Давняя националистическая мечта московских славянофилов превратилась в веру в III Интернационал (Бердяев) новой жизни. И, однако, во всех этих отрицаниях расцветало великое «да»: полное религиозное утверждение мифа революции. Так русский большевизм формируется как типично демонический феномен, в котором религиозная форма души полностью сплавилась со страстным отрицанием космического и жизненного содержания религии. Атеистическая идеология западноевропейского марксизма в большевизме соединилась с религиозным менталитетом русского народа.

Как бы ни было все это ужасно, все же какая-то надежда остается: путь от большевистской демоники к настоящей религиозности должен быть короче, чем путь от скептического безразличия ко всем религиозным вопросам.

